

Часть 7

Таким образом, наш герой стал сотрудником академии, но с одной оговоркой. Речь идет о долаврентьевской науке в Сибири, которая раньше называлась Западно-Сибирским филиалом Академии наук. Изучение социальных структур и складывающиеся взаимоотношения в этом научном сообществе дали бы возможность узнать, что принесла лаврентьевская наука в Сибирь и чем из завоеваний сибиряков она пренебрегла.

Итак, первый раз и работа и объекты разведки слились воедино. Обстановка весьма благоприятствовала. Теперь не в деревянных хибарках, а в двухэтажном коттедже около городского аэропорта наш герой снимал одну, но весьма опрятную комнатку. А место работы находилось в трех минутах ходьбы от кафе «Снежинка» на улице Мичурина, 23. <...>. Оно располагалось в очень благоустроенном современном здании и, главное, в центре города, все нужные учреждения находились рядом <...>.

Однако сразу же вырисовывались и теневые стороны. При постановке на комсомольский учет наш герой услышал неодобрительные, почти ненавистнические возгласы. Оказывается, существовало строгое постановление обкома партии: из новосибирских предприятий никого в систему Академии наук не принимать. Дескать, нельзя лишать кадров общественно полезные предприятия, которые приносят реальную прибыль народному хозяйству, тогда как от Академии наук отдача когда-то еще будет. Поэтому обком партии постановил: всех «партизан», которым удалось проникнуть в Академию наук,

следует кнутом или пряником вернуть на промышленные предприятия. Людей, которые помогали «летунам» пробраться в АН, ожидали репрессии, например, снятие с руководящей должности. Но здесь почему-то фантастически произошло обратное. Профессор Щербаков не только не лишился должности заведующего лабораторией, напротив, был назначен директором института. Тут же был организован Всесоюзный симпозиум по передаче энергии на сверхдлинные (около 3000 км) расстояния. Щербаков и его ученики выступили на симпозиуме с докладами и были приняты на ура. Академик Костенко из Ленинграда рассказал корреспондентам новосибирских газет о том, что он восхищен кафедрой высоких напряжений, созданной Щербаковым в НЭТИ, как лучшей кафедрой этого направления в Союзе.

Форум был исключительно представительным. Приехали все ведущие специалисты по энергетике из всех уголков Советского Союза. Проходили приемы, пресс-конференции, по ТВ транслировались большие репортажи. Таким образом, профессор Щербаков был неофициально представлен как новый директор института. Многие работники отделов по энергетике обкома и горкома были в прошлом студентами или преподавателями НЭТИ, поэтому они гордились своим профессором и кафедрой высоких напряжений.

Началась игра в амбиции между кадровиками и энергетиками. Об этом наш герой узнал от секретаря комитета комсомола своей организации. В разговоре с ним секретарь пытался объяснить суть дела примерно такими словами: «Твой прорыв в академию бьет по самоуважению партийного руководства. Они ни за что не допустят, чтобы ты здесь прижился, завел детей. В лучшем случае тебе дадут здесь защититься, чтобы ты вернулся в Сибэнерго ведущим инженером в какой-нибудь методический кабинет. И этой общественной позиции тебе хватит до конца жизни. А иначе... Твой пример зарази-

телен, и многие полезные специалисты вместо дела побегут доказывать теоремы». Секретарь сказал, что об этом его подробно проинструктировали в горкоме комсомола, и откровенно разъяснил все «летуну» в надежде, что у того заговорит совесть. Этот беседа состоялась летом 1961 г.

Секретарь парткома института высказался более прямо: «Ты один из тех, кто полностью игнорирует мнение партийной или комсомольской власти. Такие люди работают не просто хорошо, а отлично – не придерешься. Но партийцы – их руководители – теряют монопольное право определять судьбы людей. Это более всего раздражает, и многие с тоской вспоминают 37-й год, когда эгоистов и карьеристов просто убивали, чтобы они не портили воздух».

Первое, с чего начал наш герой в коллективе, – это организация внутриинститутского семинара по новой науке, кибернетике. Тезисы ученый секретарь передал директору, и тот вызвал нашего героя «на ковер». Из тезисов были исключены все пункты, которые касались управления социальной средой. Особенно директора раздражало слово «тирания». Он сказал: «Мы лишь технократы, давайте сначала разберемся в технической стороне дела». Однако в течение самого семинара эти вопросы по ходу дискуссии все равно возникали. Нашего героя прямо спросили: каков стиль руководства партийной власти в перечне различных методик? Пришлось невозмутимо ответить: «Метод затыкания дыр». Тогда его попросили объяснить, что это за метод. Он объяснил, что многие миллионеры начала XX-го века не умели ни читать, ни писать, но как же тогда они стали миллионерами? Оказывается, они нанимали грамотных, чтобы с их помощью следить за тем, в каком звене хозяйства прибыль перестала поступать, т.е. где образовалась дыра. Тут же за работу принималась «пожарная команда» и затыкала дыру – участок становился прибыльным. При всей своей неграмотности эти люди обладали большой силой воли

и феноменальной памятью. Тут же послышались смех и комментарии – как райком комсомола затыкает дыры. Но директор института опять поправил: «Не будем уходить от технической сути дела».

Тогда докладчик заново повторил учебный курс по преобразованиям Лапласа, при помощи которых можно решить некоторые дифференциальные уравнения. Он говорил о спектральных характеристиках многоконтурных цепей, о методе припасовывания при решении нелинейных дифференциальных уравнений и т.д. Впечатление от семинара было настолько сильным, что последующие два-три дня все только это и обсуждали. Тут к нашему герою «подкатился» секретарь парткома института. Он сказал: «Ребята довольны. Но все-таки партийные верхи требуют твоего удаления из академии». В утешение он сказал, что, по-видимому, нашему герою в Сибэнерго дадут возможность заниматься научной деятельностью. Впрочем, на турбогенераторном заводе уже тогда начал функционировать НИИ электротехнической промышленности, где необходим мощный теоретический отдел. Пока не поздно, надо «выцарапать» там высокооплачиваемую должность. Этот болван – секретарь парткома – не понимал, что перед ним сидит не просто молодой человек, а кадровый разведчик, которого не послали за рубеж только потому, что внутри страны появилось слишком много бесполезных людей с громкими учеными степенями, и что совместная работа его и таких, как он, как раз заключается в том, чтобы решить, что делать с этой научной «накипью».

А жизнь шла своим чередом. Прежде всего, к нашему герою-математику стали приходить люди со своими задачами. Там, где это возможно, тут же писались статьи и отправлялись в центральные журналы. Ему предлагали в качестве оплаты за услугу соавторство, но он отказывался от этого, прося чисто символическую сумму, 200 руб.; средняя зарплата со-

ставляла 120 руб. Вышло так, что в первый месяц после доклада наш герой получил вторую заплату, а в последующие месяцы помимо своего основного оклада он получал еще два. Таким образом, вместе с деньгами от ГРУ наш герой зарабатывал шесть окладов в месяц...

Он хотел повторить свой успех и организовал семинар по тензорному исчислению. Увы, на сей раз семинар оказался неудачным, сотрудники ничего не поняли, хотя они ежедневно работали с многоконтурными цепями. Оказалось, что долавертневская наука в Сибири укомплектовывалась исключительно удачливыми в соответствующей области практиками. Они были хороши тем, что мыслили образно и занимались реальными делами; удручало то, что все эти практики от м.н.с. до доктора наук не читали теоретических журналов, даже отечественных, не говоря об иностранных, что пылились на полках. Это и спасло нашего героя. Он превратился в своеобразного «толмача», читая научные журналы и переводя их «на рабоче-крестьянский язык». Шустрые практики тут же ловили «изюминки» и отправляли в те же журналы свои статьи. После двух десятков таких неожиданных публикаций секретарь парткома вызвал нашего героя к себе и сказал: «Вопрос о твоём возвращении на завод временно снят. Ты нужен здесь; не только комсомольцы, но и члены партии, работающие в институте, и слышать не хотят о том, чтобы тебя вернули на завод. Директор института доволен, но зато разъярен ученый секретарь, т.к. не он, а ты решаешь, какие провести семинары и кому помочь написать новую статью».

Пришлось объяснить ученому секретарю, что как математик наш герой не может претендовать на его место. Все, что происходит, носит временный характер, и если ученый секретарь хочет все держать в собственных руках, то пусть создает в институте методический кабинет на правах лаборатории, и результаты реализует от своего имени. Ученый секретарь со-

гласился создать кабинет, но под своим руководством. Наш герой отказался участвовать в таком методкабинете. Либо этот участок – его вотчина, либо его ноги там не будет. Идея кабинета оказалась мертворожденной. Взбешенный ученый секретарь начал третировать нашего героя где только можно, впрочем, это не помешало тому оставаться главным консультантом по написанию теоретических статей и основным пропагандистом по ознакомлению с новыми публикациями в солидных журналах. Институт явно прогрессировал, и этого нельзя было не заметить.

Каждый отдел института свои семинары планировал так, чтобы наш герой присутствовал там для написания памятных заметок, о которых еще предстоял разговор. Но это занятие уже относилось к обязанностям директора института. При неизбежной беседе с директором наш герой передал ему свой дневник, где подробно описывалось, с кем состоялся разговор, на какую тему, какая информация была почерпнута из солидных публикаций, и какая часть этой информации была воспринята адресатом. Директор похвалил за помощь и заметно увеличил число аспирантов, которым была предоставлена невоспринятая часть информации. От этого снова пришел в бешенство ученый секретарь, ибо об этих сведениях именно он должен был докладывать директору. Конфликт быстро стал достоянием всего института и был расценен как месть нашего героя ученому секретарю за то, что тот не уступил ему место начальника методического кабинета. Оказывается, по принятому стандарту всем завлабам должны были выделять квартиры. Следовательно, если бы не жадность ученого секретаря, наш герой должен был получить все мыслимые удовольствия сразу, чего ученый секретарь не хотел, ибо ожидал, когда «этот товарищ» уйдет из института.

Вскоре ученый секретарь передал нашему герою приглашение на какую-то вечеринку якобы по поводу годовщины

основания завода. Причем вечеринка была организована не в заводской столовой, как всегда, а в одной из трехкомнатных квартир с паркетным полом. Явившись туда из любопытства, наш герой узнал, что хозяин квартиры имеет одну-единственную добродетель – паркетный пол, все остальное для него глупости. Крайне завистлив и высокомерен. Работает отлично, но ничьих поручений не выполняет, требует за все дополнительной платы. Нашему герою об этом рассказали девочки, которые работали на кухне, меняя закуски каждые два часа. Более того, хозяин квартиры должен был перейти в центральный аппарат Минэнерго, но обком партии пока не снимает его с партучета. Семья уже давно живет в Москве, и эту квартиру отдадут тому, у кого есть жена и дети <...>. К счастью, тут ворвался бывший секретарь парткома завода и утащил нашего героя к себе в квартиру, которая находилась в том же доме. На собственном «москвиче» секретарь в три часа ночи отвез нашего героя домой. Выяснилось, что трехкомнатная квартира была обещана другому. Бывший секретарь парткома завода решил, что партия всесильна и его вернут на завод в любом случае...

В это время в Академии наук произошли коренные изменения. Из города в Академгородок переехали все главные институты. У нашего героя сузилась арена деятельности, и он стал понимать, что пора перебираться <...>.

Катализатором этого дела оказалось одно очень пикантное обстоятельство: раньше Институт автоматки и электрометрии функционировал также на ул. Мичурина, 23, только в другом корпусе. Из любопытства ходили друг к другу на семинары. Институт АиЭМ должен был переехать в Академгородок, а Транспортно-энергетический институт планировалось разделить на три части <...>. К тому времени у многих сотрудников и аспирантов накопилось очень много вычислительных процедур, и всем стало ясно, что принимать на работу программис-

та – это не выход. Сотрудники института сами должны научиться программировать свои схемы.

В институте находился секретный документ – 100-страничное руководство по программированию, составленное военными. Получив добро со стороны директора, но не ставя в известность ученого секретаря, наш герой за полмесяца переиздал это руководство через ученого секретаря Института гидродинамики с условием, что половина тиража останется там. Появление в институте большого количества программного руководства вызвало новый взрыв деловитости. Теперь статьи без санкций ученого секретаря писали и публиковали все кому не лень... Кроме того, умение программировать – это новая возможность заработать деньги. Директор вызвал нашего героя, пожал руку и выразил сожаление, что тот скоро покинет их институт.

Оказывается, у директора института был разговор с заместителем директора Института автоматики, где он (Сигорский) якобы сказал, что, мол, ваш сотрудник давно работает в нашем институте, а у вас он только деньги получает. Однако, как выяснилось позже, подоплека была другой. Институт автоматики и телеметрии целиком формировался во Львовском политехническом институте и всем коллективом переехал в Сибирь. Их в шутку называли «бендеровцами». Но оказалось, что они на самом деле таковыми и являлись и очень рады были узнать, что у энергетиков Западно-Сибирского филиала АН есть товарищ, который умеет оставить в дураках носителей партийной точки зрения и заботится только о своем кармане. Они сами были такими, поэтому контакт установился с их стороны <...>. Но такие связи наш герой не считал работой на «бендеровцев». Единственной услугой было то, что он подарил им три экземпляра по программированию. Это руководство также было переиздано ротاپринтским способом и увеличено в 2-2,5 раза примерами конкретных программ из

соответствующей области. По-видимому, этот факт «бендеровцы» и считали доказательством совместной научной деятельности <...>.

Итак, бумаги подписаны. Через месяц наш герой будет жить в общежитии Академгородка. Все было решено, но тут пришла любовь. Молодую элегантную девушку он встретил у кассы Оперного театра, и оба почувствовали, что возбуждены до крайности. Она спросила, не гипнотизер ли он <...>. Но вдруг начали происходить странные вещи. Ночью, около 22:00, когда они целовались в каком-то переулке, их окружили трое мускулистых молодых людей. Девушка сказала, что она знает их, и что они искалечат его до инвалидности <...>.

Но самое интересное нашего героя ожидало на работе. Когда никого рядом не было, с ухмылкой подошел секретарь парткома и сказал: «Оказывается, ты умеешь драться» <...>. Он объяснил, что эти три парня являются карательной дружиной горкома комсомола, и что им было приказано оскопить нашего героя <...>. Не захотел вернуться на завод нормальным человеком – вернись евнухом. В Доме офицеров быстро узнали, кто дал эту чудовищную команду, и его – инструктора горкома комсомола – самого оскопили... Очнувшись, секретарь покончил жизнь самоубийством. Дело замяли. Но до нашего героя дошло, что этот инструктор доложил высокому руководству, что якобы нашел способ вернуть наглеца на завод.

Наконец, наш герой получил уведомление, что ему надлежит поехать в Академгородок, получить место в общежития и явиться в отдел кадров Института автоматике для оформления на работу <...>.

Началась новая жизнь, новая глава в его биографии.

Пока он знакомился с сотрудниками, к нему подкатывали какие-то люди и выясняли его отношение к религии <...>.

В Академгородке предстояло изучить структуру лаврентьевской науки спокойно, не спеша. Поэтому существовала до-

говоренность, что в Дом офицеров наш герой будет являться раз в два-три месяца, не считая экстренных сообщений. Единственная неприятность состояла в том, что в ближайшем окружении Лаврентьева было достаточно много верующих ученых, проводились домашние литургии <...>.

Тогда же наш герой узнал, что первоначально сибирская Академия наук создавалась как Академия наук Российской Федерации. И тогда же РПЦ потратила огромные деньги, чтобы подобрать в эту академию угодные ей кадры. Кроме того, советское правительство согласилось выделить в два раза больше денег, если Лаврентьев вместе со своим окружением переселится в Сибирь. Но тут выяснилось, что интересы совпадают, и РПЦ сделала ставку на ученых славянского происхождения. К их досаде, Лаврентьев пригласил в Сибирь много ученых-евреев. А наш герой помогал писать статьи людям славянского происхождения. Это было замечено и представителями РПЦ, и «бендеровцами». Т.е. он был вроде бы своим человеком среди этой массы, тем более высокомерие еврейских ученых исключало возможность общения с ним.

Немцев в то время в Академгородке было мало, поэтому они общину не составляли...

Часть 8

Соперничество в начале 60-х гг. военной разведки с политической не могло не заинтересовать мыслящую прослойку нашего общества. У политической разведки как-то не находилось доводов, чтобы заставить военную разведку – ГРУ – снова заняться исключительно работой за рубежом. По-видимому, немаловажную роль играл тот факт, что борьба против сталинизма проводилась сталинскими же способами. А это привело к тому, что очень много ценных кадров оказались выдворенными из политической разведки. Под видом борьбы со сталинизмом очень много хрущевских выдвигенцев энергично стали занимать их высокооплачиваемые места. Выдвигенцы могли быстро адаптироваться только в условиях промышленности, но не в условиях разведки.

Хрущевское правление сильно напоминало годы становления советской власти. Тогда содружества комиссаров с буржуазной интеллигенцией оказалось достаточно, чтобы превзойти совокупный интеллектуальный потенциал белогвардейцев. Именно этот опыт хрущевисты взяли на вооружение, чтобы управлять страной. Теперь место буржуазной интеллигенции занимали отвергнутые сталинисты. Хрущевисты сами отказались от высококвалифицированных специалистов и по отношению к ним не могли использовать понятие классового врага. Среди сталинистов было много карьеристов и приспособленцев (56%). Их уход лишь укрепил общественный вес тех людей, которые назывались сталинистами, но не занимались массовыми репрессиями, поэтому не могли принять обвинений хрущевистов. Просто

тогда речь шла о высокооплачиваемых должностях и полногабаритных квартирах...

При любых условиях Родина остается Родиной. Поэтому эти люди оказались в сложном положении, не зная, каким образом свой профессионализм поставить на службу стране. Кому-то это удалось. Особенно детям сталинистов, которых взяло под свою защиту ГРУ...

Тогда четко было осознано, что появился новый политический феномен – информационный рынок, который инициировал новые понятия, например, «информоген» – человек; который высказывается лишь тогда, когда у него есть нечто интересное для всех, как для друзей, так и для врагов. Другой термин является зеркальным отражением этого. «Информофоб» – ненавистник новой оригинальной информации. Эти люди всегда с подозрением относились к тем, кто умнее их, и считали карьеристами, претендующими на определенные должности, которые уже заняты. Не управлять государством, не решать сложные технические задачи, а в первую очередь сохранять за собой высокооплачиваемые должности – вот чем в основном занимались хрущевисты.

Политологи, которые тогда назывались иначе, в 1958 г. пришли к выводу о начале идеологического раскола в международном коммунистическом движении. Положительная черта хрущевистов заключалась в том, что свои мысли они всегда выражали понятно. Вот как они объясняли это в упрощенном виде: «Октябрьская революция была организована патриотической русской интеллигенцией, находившей массовую базу в лице рабочего класса. После разоблачения сталинизма рабочий класс более ни в ком не нуждается, следовательно, «умникам» надо идти на производство, довольствоваться малым и помогать ставленникам рабочего класса управлять страной. А детям этим умников следует по возможности закрыть дорогу к высшему образованию».

Но, как уже было сказано, доминантой в общественной жизни становился информационный рынок, а у хрущевистов не было никаких шансов начать им управлять. Эти два полюса возглавлялись двумя отечественными разведками. Жизнь показала, что хрущевские выдвигенцы – менее добротный материал, чем те люди, которые ранее занимали их должности. Жизнь – сложная штука, и хотя сталинисты были убийцами, но Пеньковский – предатель Родины – мог сформироваться только среди хрущевистов. Сталинисты с гордостью говорили о том, что, когда некто Орлов, резидент советской разведки за рубежом, по понятным мотивам порвал с ней и убежал в США, он не раскрыл сеть ГРУ за рубежом. Иначе руководители американской разведки, тесно связанные с Гитлером, в силу классовой солидарности помогли бы немцам ликвидировать сеть ГРУ в Европе. Трудно себе вообразить, каким образом Орлов сумел сохранить свои знания в тайне от новых хозяев, ведь всех руководителей европейской резидентурной сети он знал в лицо.

На суде Пеньковский объяснил причину своей измены Родине нехваткой денег на проституток. Хотя у него была красивая жена и значительное количество женщин в аппарате, который он возглавлял. По большевистской традиции, все эти женщины принадлежали шефу. Непокорных или увольняли, или переводили на менее заметную работу. Пеньковскому все было мало. Он хотел покупать самых красивых женщин и покупал их дарением кооперативных квартир, которые обставлялись лучшей рижской мебелью.

В такой сложной внутривластной обстановке наш герой начал жить в Академгородке. Первый период его жизни среди ученых был недолгим, чуть больше года, после чего ему пришлось уехать обратно в город и устроиться в заводскую лабораторию. Но до этого он заметил около десятка важных моментов и описал их в своих докладах наверх столь подроб-

но и обстоятельно, что никто не мог его заменить. Поэтому при повторном возвращении в Академгородок наш герой уже сидел там настолько прочно, что никому не удавалось его оттуда выжить. Чего только не пробовали... Традиционный рычаг – «костлявой рукой голода» – здесь не прошел, наш герой получал достаточное количество средств от ГРУ. Милиция пыталась выселить его как тунеядца, но милицейские чины лишь потеряли свои погоны...

Так каковы были высмотренные им факты? Первое – существование своеобразного заведения под условным названием кафе-клуб «Под интегралом». Внешне все выглядело скромно. Обыкновенная двухэтажная столовая, куда вечерами собиралась для развлечений молодежь. Началось все с того, что после каждого вечера какая-либо пара покидала клуб уже в качестве законных супругов. Но главное было в том, что во время этих свадеб, вечеринок, юбилейных мероприятий высказывалось много соображений, которые аккуратно фиксировались и передавались наверх нашим героем. Никто не заметил, что на каждом мероприятии всегда присутствовали корреспонденты центральных газет: «Правды», «Известий», «Комсомольской правды». Через пару месяцев к ним присоединился корреспондент «Труда». Первым на этот факт обратили внимание филологи из новосибирского пединститута. Дело в том, что около трех десятков новых слов раньше в этих газетах не встречалось. Кафе-клуб «Под интегралом» каким-то образом обогащал русский язык. И нетрудно было заметить, что эти слова впервые употреблялись корреспондентами центральных газет из Академгородка. И хотя хрущевисты продолжали называть их умниками, они сами употребляли новые слова, видимо, с благодарностью. Особенно часто употреблялось выражение «стереотип мышления». Хрущевисты неохотно приняли этот термин, использовали его против тех, кто снабжал верхи однотипной информацией, т.е. хрущевис-

ты упрекали собственных выдвиненцев в нерадивости. Как только об этом стало известно, наш герой получил майорские погоны. В Доме офицеров по этому поводу была организована вечеринка в узком кругу людей, где наш герой объявился во вновь сшитой военной форме с погонами майора. Фотография с этой вечеринки попала в обком, а оттуда в Президиум СО АН. После этого для нашего героя возможность сделать научную карьеру была исключена, но все продолжали относиться к нему как к знатоку научной жизни. Он часто выступал на заседаниях в «Интеграле» и таким образом со всеми своими достоинствами и недостатками стал известен всему Академгородку. Поэтому друзья часто приглашали его в гости и просили высказывать свою точку зрения по тому или иному вопросу.

Например, среди гуманитариев началось исследование на тему, что сделали большевики с русским языком. За основу был взят четырехтомник «Толкового словаря» В.И. Даля. Потом прошли экспедиции в те районы, где путешествовал Даль, собирая русские слова и выразительные формы. Далее был проведен анализ текущей научной терминологии на русском языке, а также уточнялись переводы некоторых иностранных терминов. На этом около десятка молодых ученых впоследствии защитили кандидатские и докторские диссертации. Но все знали, что первым об этом упомянул наш герой на одном из заседаний в «Интеграле». Более того, смекнув, что кафе-клуб становится своеобразным научно-исследовательским институтом, на заседания «Интеграла» стали приходить и академики. Это уже привлекало москвичей, в основном журналистов и офицеров безопасности; они приходили, чтобы стать свидетелями разрушения очередного стереотипа.

В это время у работников новосибирского обкома партии появилась некоторая ревность. Что это такое? Новосибирский интеллект обслуживает московских правителей, минуя мест-

ную элиту. Началось бурное движение по закрытию «Интеграла» под тем предлогом, что он отвлекает от научной работы.

«Интеграл» закроют через три-четыре года. Но тогда над обкомовскими работниками только смеялись. Крылатой стала фраза: «Привыкли заморачивать голову слесарям и плотникам».

В то время из Ленинграда в Академгородок переселился академик А. Д. Александров. В Ленинграде он был член-корреспондентом, ректором университета. Ему дали звание академика за согласие переселиться в Сибирь. Сплетники утверждали, что его приезд был обусловлен просьбой новосибирского обкома партии, отношения которого с Александровым становились все забавнее. Действительно, приезд Александрова и его выступление в «Интеграле» пошли на пользу. Этому выдающемуся советскому математика смертельно ненавидели все советские физики, ибо он хотел играть роль Лысенко в теоретической физике, и был выбран лично Сталиным в качестве основного докладчика против идеалистов в теоретической физике. Но против этого восстал Курчатов. Он прямо бросил в лицо Лаврентию Павловичу: «Пусть Александров сам делает вам атомную бомбу». Взбешенный Берия решил заменить Курчатова Алехановым. Однако этот упрямый армянин, который, по словам спецслужб и так де-факто руководил всеми советскими научными исследованиями, не захотел обременять себя административными обязанностями. Он мотивировал свой отказ отсутствием у себя организаторских способностей...

Сталин не любил Алеханова за то, что тот везде имел непререкаемый авторитет и власть, но почему-то не стоял на страже ее сохранения. Сам Сталин этого никак понять не мог. В Академгородке все хорошо знали, кто такой Александров, но здесь он оказался полезным не только как математик, но и обществу в целом. Агитировать за советскую власть он не мог,

т.к. его тут просто не слушали. На публичную лекцию «Ленин и материализм» никто не пришел. Зато на доклад об организации науки в ленинградском университете пришло так много народу, что все пространство аудитории и даже сцена были заняты людьми. Так жил Академгородок со своим кафе-клубом «Под интегралом»...

Вторым фактом, на который обратил внимание наш герой, было ужасное демографическое состояние Академгородка в первые годы его существования, когда в течение более трех лет научные работники женского пола составляли от 7-13%. Естественно, молодые, хорошо одетые, сыто накормленные деликатесами молодые мужчины жаждали соответствующего к себе отношения. <...>.

Пикантность ситуации состояла в том, что было выстроено много высококачественного жилья, и оно пустовало. Туда пускали только с супругами. Поэтому случайно приехавшая в гости девчонка еще до совершеннолетия могла вступить в гражданский брак, и новую семейную пару в обход всяких законов прописывали в квартиру. Но все равно женщин катастрофически не хватало <...>.

Через три года эта проблема была решена естественным путем, когда начнет функционировать новосибирский университет <...>.

Следующий факт, который наш герой заметил, и о котором подробно доложил наверх, – это чисто хрущевский способ организации науки. Во-первых, большевистские организаторы науки в Сибири сами мало что смыслили в ней. Но они считали себя вправе перед одной частью молодежи закрыть дорогу в науку, а других подталкивать наверх. Начали они с того, что, когда СО АН еще находился в городе, всех молодых сотрудников заставили жить на первом этаже одного из домов, который остался в памяти научной молодежи под названием «холодильник». Зимой спали не раздеваясь. Тес-

нота была такой, что после работы ни о какой интеллектуальной деятельности не шло и речи. «Все делайте во время работы», — настаивали организаторы, — «никаких скрытых исследований». Каждый седьмой человек заболел двусторонним воспалением легких. Они либо умирали, либо уезжали обратно в свои теплые края. Зато те, кто прошли через «холодильник», становились своеобразной элитой. Им была дана возможность эксплуатировать любых новых молодых людей, пришедших позже. Того, кто отказывался писать в соавторстве, жестоко преследовали. Их сажали в психбольницы, к ним придирались и под любым предлогом выгоняли из СО АН. Самые тупые работники, прошедшие через «холодильник», впоследствии стали докторами наук и на этом за нехваткой мозгов остановились.

Однако в любом коллективе есть талантливые люди, их доля составляет примерно 7%, и как раз из этих семи процентов возникли все будущие академики СО АН. Зато молодые люди, не менее талантливые, редко добивались степени выше кандидата наук и все свое сознательное время потратили на обогащение людей, прошедших через «холодильник». То, что так запрограммировано хрущевистами, выяснилось позже. Тогда эксплуатация человека человеком в области информации была глубоко законспирирована, и никто не верил, что таков идеал хрущевистов в области высокотехнологичной информации.

При всех своих отрицательных чертах сталинисты всегда искали талантливых людей, чтобы с них побольше содрать полезных сведений. Хрущевисты на жизнь смотрели иначе. Если для сталинистов даже в тюрьме ученый оставался ученым, его там сносно кормили и заставляли работать на Родину, то хрущевисты-брежневисты никаких интересов Родины не признавали. Они всех мыслящих людей разделили на две категории. Первые — те, кого они назначили на должность уче-

ных. Естественно, здесь они по-своему старались выбирать лучших, но когда выбор уже сделан, эти ученые становились опорой их власти, занимали все вакантные места, и другие, будь они даже трижды талантливыми, попадали в финансовую зависимость от хрущевистских назначенцев в науке. А те использовали эту финансовую зависимость, чтобы подольше держать их в должностях лаборантов (как тогда говорили, «хороших, нормальных лаборантов»). Если же у молодого ученого были состоятельные родители, то у людей, прошедших «холодильник», выкупалось право быть м.н.с.-ом и публиковать статьи без соавторства. Таких м.н.с.-ов называли «мебельщиками», т.к. первые взятки за то, чтобы их права приравнили к правам прошедших через «холодильник», были выплачены хорошей мебелью, поскольку в роскошных квартирах Академгородка мебель стояла самодельная, из березовых чурок.

Эту сторону дела наш герой описал в самых мрачных красках, и работники обкома партии посчитали это камушком в свой огород. Нашего героя неоднократно ловили в театрах, на митингах и в других местах и упрекали, что он во всем видит только плохие стороны, на что наш герой отвечал: «Хорошие стороны не мешают». Озлобленные партийные функционеры называли его по-старому – стукачом. Однако в Академгородке смотрели на это сквозь пальцы, т.к. в данном случае стукач не препятствовал уменьшению количества способных людей. Наоборот, такой стукач лишает незаслуженных почестей.

Партийцы удивлялись, почему профсоюзы СО АН брали нашего стукача под защиту. Со времен своего создания профсоюзы всегда ИНТЕРЕСЫ ЛИЧНОСТИ ставили выше его квалификации и ничем другим никогда не занимались даже в советское время. Партийцы поняли, насколько профсоюзы лояльны к стукачу, лет через пять. Речь шла о процессе внедрения научных открытий в производство, от которых проф-

союзная касса получала свою долю. Все, что делало партийное руководство в лице хрущевистов-брежневистов, как раз было направлено на то, чтобы препятствовать внедрению научных открытий в производство, хотя на словах они просили и молили об этом. Дело заключалось в том, что партийные назначенцы в науке всегда были уверены, что их защитят. Поэтому им не надо было заботиться еще и о внедрении. И когда они вырывали у своих подчиненных какую-нибудь научную идею и публиковали под своей фамилией, то настаивали на том, чтобы все деньги шли в их карман, а внедрителям платили лишь зарплату. Но никто не хотел набивать чужих карманов. Поэтому из принципа ученые отказывались даже от хорошей заплаты за внедрение. Мотивировалось это тем, что при внедрении неизбежны большие стрессовые перегрузки, а для их компенсации нужны «другие деньги».

Следующим фактом, нашедшим достаточно обстоятельное описание у нашего героя, было представление важного периода становления Академгородка. Дело в том, что Лаврентьев и его окружение составляли в процентном отношении незначительную долю в управлении научного руководства Академгородка. Лицо науки всегда определяется средним звеном — уровнем докторов наук. Это звено весьма неохотно расставалось со своими благоустроенными квартирами в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Минске, Свердловске и даже в Томске. Тем более что, уезжая в Академгородок, они сохраняли за собой право на бывшие квартиры в течение десятилетий. В любой момент они могли уехать в командировку домой и жить в своей квартире. Но до 1964 г. они появлялись в Академгородке эпизодически, раза три в год, и оставались не более чем на неделю.

Между тем в Академгородок стало прибывать со всех концов земли уникальное лабораторное оборудование, которого не было ни в одном городе СССР. Его получали, складывали в

жилых квартирах и забывали. Единственная реальная власть в Академгородке была у комитета комсомола СО АН. Бывало, что в каком-то институте в служебных документах стояла подпись не директора или его заместителя, а секретаря комитета комсомола, т.к. вышеуказанные товарищи прохлаждались в других городах.

Роль нашего героя здесь была весомой: во время одного из ночных бдений он воскликнул: «Разве мы не выпускники лучших советских университетов и технических вузов?! Разве мы не можем сами ставить научные задачи и решать их, не дожидаясь завлабов из Москвы и Ленинграда?! Пусть комитет комсомола СО АН решит, какие журналы может выпускать СО АН. Начните со сборников и публикуйте их по мере заполнения статьями ваших же научных работ, а разработку научных проблем начните с экспериментальных работ – меньше будут придираться. А т.к. уникальное оборудование находится здесь, в Академгородке, и нигде в Союзе такого больше нет, никто не будет претендовать на то, что вы содрали его мысли».

Что потом началось... Аналога в мировой истории нет, разве что тезисы Мартина Лютера, повешенные на дверях какой-то церкви. С них началась реформация – раскол западно-христианской церкви на две равные части. Начались религиозные войны, и реформаторы в кровавой борьбе победили. Рожденные на севере Европы буржуазные слои уже рвались к политической власти. Нисколько не отвергая Христа, они требовали дешевой церкви. Точно так же в Академгородке комсомольская элита осознала свою исключительность и начала действовать... Как тогда говорили, Лаврентьев и его окружение ощутили «подземные толчки» и почувствовали себя неуютно. Но великие люди быстро могут оценить позитивное перемены. На одном из совещаний Лаврентьев даже сказал: «Творческая инициатива снизу – это то, ради чего я приехал в Сибирь». Обидно, что, когда к 1964 г. все завлабы приехали,

они с собой никакой живой мысли не принесли и только продолжали руководить научными исследованиями под тем предлогом, что раз дело начато, то его надо довести до конца.

Комсомольская элита благоразумно продолжала публиковать результаты экспериментальных работ и защищать на этом диссертации, а уж после утверждения ученой степени они уже успешно конкурировали с завлабовской элитой. Многие как приехали в Академгородок завлабовской мелочью, так ею до конца жизни и остались, и это их не смущало. В Москве и Ленинграде их уже не ждали.

В это время стало известно о предстоящем XXII-м съезде партии. Хрущев и его окружение намеренно откладывали выражение своего отношения к тройке бывших вождей: Маленкову, Молотову и Кагановичу. Предусматривалось, что на XXII-м съезде с ними нужно окончательно разобраться и тем самым утвердить свое собственное безраздельное господство. Но уж где-где, а в Академгородке хорошо понимали, что хрущевизм как политическое течение себя давно исчерпал. Хрущев и его окружение безбожно повторялись и самым решительным образом пропагандировали прописные истины. У обычных обывателей эта пустопорожняя попытка высших партийных руководителей имитировать бурную деятельность порождала лишь апатию, но Академгородок – не тот случай. Обкомовских агитаторов гнали взащей с трибуны. Для этого достаточно было задать им неприятные вопросы, подкрепленные экономической статистикой, после которых ораторы быстро сворачивали свои пропагандистские мероприятия. Складывалось четкое впечатление бесполезности партийной власти. Они – партийцы – ждали XXII-го партсъезда как панацеи от всех бед. Научная же среда прекрасно понимала, что после XXII-го съезда, независимо от того, о чем там будут говорить и выскажут ли позитивные мысли, согласно партийному ритуалу будет созван митинг одобрения реше-

ний партии и правительства. Таков был механизм, при помощи которого Хрущев хотел утвердить культ своей личности, хотя все понимали, что на культ он не тянет из-за своего знаменитого невежества, превосходящего даже невежество Г. Распутина, по тем же причинам, что и он, оказавшегося на вершине власти...

Таким образом, к XXII-му съезду готовились обе стороны: хрущевистская молодежь против научной молодежи. Обе стороны имели большой запас резвости и решимости. И тогда наш герой попал в переplet, который стал причиной его первого изгнания из Академгородка. Как всегда, все началось с ночного бдения комитета комсомола СО АН. Первоначально собирались составить некий отчет о неразумности руководства в стране и о путях ее преодоления. О ночном бдении тут же узнало местное отделение политической разведки. Через несколько дней состоялось очередное собрание по тому же поводу. На сей раз присутствовали четверо людей в гражданской одежде, но с военной выправкой. Они дали понять, что не допустят издания сборника. Отвергли также форму написания «телеги» и отправки ее наверх, например, в ЦК комсомола. Как работники секретных служб они уведомили присутствующих, что такими отчетами забиты целые сейфы. Все дело в том, что эти отчеты даже читать никто не хочет, там многое непонятно. Например, почему они должны кому-то уступать власть (читай: высокооплачиваемые должности), разве они не патриоты или плохие члены партии?? Они без конца журили своих выдвиженцев, но сами же понимали, что замена этих выдвиженцев новыми невозможна...

Наш герой был потрясен уже тем, что от Хрущева отказывается политическая разведка, иначе бы этих четверых одетых в гражданское кагэбистов здесь не было. Ему дали слово, когда уже все устали и казалось, что надо бы закругляться, да и он сам уже почти засыпал. Вдруг кто-то из секретарей ко-

митета комсомола воскликнул: «Проснись, стукач, выскажи свою точку зрения». Кагэбэшники поморщились: «Он стучит не нам, а кому-то из бывших военных, ушедших в отставку...». Наш герой сказал, что единственная форма установления правды и справедливости – это расчеты экономической неэффективности власти. Мы не можем сочинять в адрес Хрущева анекдоты – это одни эмоции. Мы можем использовать опыт разворачивания и формирования финансовых потоков. Люди,двигающие цивилизацию вперед, после крестовых походов из Леванты пришли в Венецию и другие североитальянские города, но политическую власть они взять не смогли. Это удалось в Голландии во время нидерландской революции, потом это перешло в Великобританию и Францию. То, каким образом эти люди завоевывали власть и ликвидировали расточительные феодальные порядки, заслуживает подражания. Мы можем взять для примера курс ведущих валют капиталистических стран с 1953 по 1961 гг.: как двигалась покупательская способность доллара США, британского фунта, западно-германской марки и японской иены, чтобы сравнить их с покупательной способностью советского рубля и марки ГДР. Кому любопытно, пусть сделает то же самое относительно канадского доллара, французского франка и итальянской лиры, а также чешской кроны и польского злотого. Валюту остальных стран народной демократии в расчет не берем. И, наконец, в предстоящее время и до конца XX-го века национальная гордость должна определяться не военной мощью, а долей мировых продаж товаров данной страны, исключая сырье. Из истории цивилизации мы знаем, что эта доля – продажа готовых товаров на мировом рынке – является главным и решающим критерием определении «температуры» данной цивилизации. Мы знаем, что некогда великие державы только тогда склонны довольствоваться второстепенными ролями, когда эта доля стремится к нулю.

Причина проста: церковь не давала альтернативной элите в этих странах прийти к власти. Так было и в Римской империи, и в Испании, и других странах. И, наконец, я подозреваю, что научно-технический прогресс не находится в сфере интересов нынешних партийных руководителей. Они еще слишком молоды (хрущевисты поторопились занять функциональные места в управлении государством), их надо учить. Но кто будет их учить, если одни учителя завалены работой в ВПК, а над другими они издеваются за то, что те, партийцы, сами в чем-то ошибаются, и в этом якобы виноваты бывшие сталинские специалисты.

Тогда один из кагэбэшников сказал: «Что же вы предлагаете?», а другой дополнил: «Что мы можем сделать в данной ситуации?». Ответ был один: «Считать. Считать экономические убытки от неправильного руководства хрущевщины. Нам нужны протоколы правительственных заседаний, где предлагались альтернативные государственные решения. Нам нужны цифры ожидаемых государственных доходов, которые так и не были получены из-за нерадивости местного звена хрущевского руководства. Нам нужны разработки конкретных планов переобучения государственных деятелей, сумма, в которую это обойдется, и, наконец, самое главное: каким образом обеспечить промышленную реализацию научных открытий и научных технологий, чтобы партийная бюрократия от этого не проигрывала, а выигрывала».

Самый старший кагэбэшник, который до этого молчал, тут же воскликнул: «Приведите пример!». Наш герой назвал фамилию – это был один из предыдущих первых секретарей обкома партии, который демонстративно мешал созданию СО АН. Строительные материалы разворовывались, финансовые средства направлялись на благотворительность. Т.е. он постоянно давал понять, что своих новосибирских программ ему по горло хватает, и что на решение этих местных проблем

правительство неоднократно обещало выделить деньги, но не выделяло: «Теперь наши деньги идут на строительство какого-то СО АН, от которого еще неизвестно когда будет отдача». Наконец, четвертый кагэбэшник спросил: «А где выход?». Наш герой сказал первое, что пришло в голову: «Внутренний кредит. Наша экономика является плановой, поэтому, когда ресурсы уже распределены, следует считать их собственностью адресата. Но жизнь сложна, могут возникнуть более удачные проекты, поэтому, если вы отбираете у первоначального адресата деньги, вы должны взять их под большие проценты, так, чтобы тот не был в обиде. Более того, чтобы деньги постепенно копились под его собственные проекты». Активный кагэбэшник, взявший слово первым, прокомментировал это так: «Партийные органы лишатся всей полноты власти, им теперь придется соображать с оглядкой, а это плохо...». Другой сказал: «Молодой человек хочет передать высшую полноту власти из рук первого секретаря обкома в руки председателя местного отделения госбанка». На это наш герой ответил: «Госбанковский товарищ тоже член партии, и неплохо было бы его избрать первым секретарем обкома». Все устали и хотели домой, но решение было принято: «Считать убытки». А уж что получится и какие выводы делать – там видно будет.

После этого про нашего героя вроде забыли. Через три месяца его «извлекли» из читального зала ГПНТБ и пригласили к директору библиотеки. Там наш герой узнал, что группа молодых специалистов из экономистов и инженеров уже сформирована, и его приглашают войти в состав руководящей группы, состоящей из десяти человек. При сборе материалов, в том числе и тех, что он требовал при ночном бдении, выяснилось, что придется иметь дело с большими объемами статистических данных, что в СО АН много вероятностников, но дипломированных специалистов по математическим методам статистики, кроме него, нет. И что, скорее всего, окон-

чательным докладчиком по этому вопросу следует назначить его, пусть он «стучит» открыто и честно. Оказывается, многие люди в СО АН, которые хоть как-то разбирались в теории вероятностей и математической статистике, просто не захотели связываться с такими расчетами, ибо не верили в их плодотворность. Да, они согласны, что убытки велики и цифры могут оказаться ошеломляющими, но они хотят работать, а не быть в центре внимания партийной власти. Кто-то из них привел пословицу: «Если резвый осел хорошо себя чувствует под тяжелой поклажей, то жадный крестьянин скоро добавит еще, и осел скоро сдохнет». Математика всегда была далекой от политики, пусть такой и останется. Как наш герой узнал впоследствии, эти ребята просто не хотели отвлекаться от собственных диссертаций: «Мы защитим диссертации, а там будет видно, стоит ли заниматься политикой». После этого директор ГПНТБ передал нашего героя в распоряжение весьма красивой внушительной дамы средних лет <...>.

Она сказала: «Необходимость заставляет нас работать вместе. В моем кабинете будут храниться все документы, как исходные, так и обработанные. Вам надлежит с ними ознакомиться, написать о своем мнении и поставить подпись. Нам необходимо два раза в неделю по три часа работать вместе» <...>.

За месяц до XXII-го съезда все расчеты были завершены. Результаты оказались неожиданными даже для инициаторов. Оказалось, что экономические убытки от хрущевщины по курсу доллара на сентябрь 1939 г. в 2,5 раза больше, чем убытки от разрушений во Второй мировой войне на всех фронтах и у всех народов мира. Стало быть, Гитлер обошелся нам дешевле, чем Хрущев. Такой результат был настолько ошеломляющим, а выводы были настолько непредсказуемы, что заговорили об ошибках. Поэтому все расчеты были конфискованы, вроде бы никаких расчетов и не было. Но к этому опять

вернулись за неделю до митинга одобрения решений XXII-го съезда. В хрущевское время такой ритуал был обязателен как демонстрация единства партии и народа.

Нашего героя вызвали в обком на собеседование, подняли вопрос об антисоветчине, которой все может обернуться, если данные расчеты будут опубликованы. У нашего героя откуда-то взялась смелость: «Во-первых, по какому праву вы антихрущевщину называете антисоветчиной? Во-вторых, мы только считали, если ошиблись, укажите, в чем именно». В руках партии находится очень много академиков и представителей среднего звена, которые могут в этом разобраться...

Хотя нашего героя отпустили домой, он понял – это не первая встреча, и впервые он послал наверх «SOS» – сигнал об опасении за свою жизнь. Генштаб ответил: «Вы слишком ценный агент, чтобы вами пожертвовать, внутри политической разведки уже созревают тенденции к подчинению военной разведке на данном отрезке времени...».

Снова ночные бдения и снова та же четверка кагэбэшников. Никто не знал, что будет дальше... Только старший из них сказал, что он против того, чтобы послать отчет наверх: «Молодые шалопаи положат этот отчет в сейф и забудут о нем. Поэтому все же надо шуметь: нужен скандал. Мы вас, разумеется, накажем, будет психбольница и прочее, но им известно, что Хрущева следует сменить». В личной беседе старший назвал фамилию будущего руководителя партии и правительства – Шелепин. «Зато после бури, когда дело будет сделано, вы победоносно вернетесь в Академгородок...». Так и было сделано. Во время «митинга одобрения» наш герой выступил с поддержкой идеи изгнания Маленкова, Молотова и Кагановича из высшего партийного руководства, но с одной оговоркой: «Новое руководство партии ненамного лучше старого, они одного поля ягода и давно порвали с естествознанием, из которого возник сам марксизм-ленинизм. Вот факты». И тут наш

герой повернул доску, на обратной стороне было несколько таблиц, больших и маленьких. Когда секретарь обкома Алферов хотел его лишить слова, в зале встал академик Соболев и сказал: «Я хочу слушать этого молодого человека, это интересно». И, повернувшись к Алферову, сказал: «Не беспокойтесь, каждое число будем десятикратно проверять...».

Часть 9

Остаются два аспекта деятельности нашего героя до изгнания из Академгородка. Это личная жизнь и выполнение научных обязанностей в «бендеровской» команде.

В личной жизни все усложнилось после того, как библиотечная дама на третьем месяце сотрудничества вдруг оказалась востребованной и уехала на работу в ленинградскую библиотеку АН. Хотя Президиум общесоюзной АН находился в Москве с 1934 г., библиотека АН осталась в Ленинграде <...>.

Подходящая кандидатура нашлась в «долаврентьевской» науке – дочь кандидата наук, работающего в химико-технологическом институте. Роман был бурным, они быстро зарегистрировались. Этот брак был скоротечен, и развод произошел через полтора года, когда наш герой уже не работал в АН. Но в этом браке родился его первый сын, и наш герой почувствовал полноту жизни. Жена была молодой, на десять лет моложе него, яркой и красивой девушкой. Их появление в общественных местах привлекало внимание окружающих. Это льстило самолюбию нашего героя.

Другое дело – работа с «бендеровцами». Необычным было то, что ему запретили решать задачи кому-нибудь из других лабораторий того же института. Цели были определены четко, и в скором времени появилась проработка, которая при некотором дополнении могла стать отдельной книгой. Но было решено, что книг еще успеет написать множество, а сейчас эту проработку надо разделить на части и публиковать в качестве отдельных статей. Таких частей оказалось шесть. Зав-

лаб, доктор технических наук, он же председатель профсоюза всего СО АН, был недавно приглашен из Львова и жил на две квартиры – в Новосибирске и Львове. Завлаб был приятно удивлен такой плодовитостью нашего героя и великодушно отказался от соавторства. Мол, я в этом не принимал участия. Другое дело, если я попрошу других заниматься по своей тематике, тогда будет соавторство и с ними.

С нашим героем работал один товарищ, который, в частности, способствовал приглашению его в Академгородок. Наш герой и раньше выказывал желание после завершения работы написать с ним статью. Но тот требовал, чтобы они работали дальше и не отвлекались на мелочи. У него была любимая фраза: «Было бы что публиковать». Наконец завлаб, прочитав все шесть статей, поставил свою подпись с одновременной рекомендацией, какие статьи в какие журналы посылать. Оставалась мелочь, но это была такая мелочь, после которой произошел взрыв.

Наш герой предложил своему куратору публиковаться без соавторства, каждому по три статьи. Он был готов довольствоваться даже двумя статьями, где высока доля теоретических выкладок, а остальные четыре статьи, описывающие конкретные схемы измерений, пусть возьмет на себя партнер. Куратор требовал, чтобы все шесть статей были совместными, т.к. в противном случае наш герой мог бы написать продолжение этих статей и опубликовать без его разрешения. Тогда станет ясно, что фактическим автором является не куратор, а тот, кого он пригласил на совместную работу. Объективности ради надо сказать, что партнер умел четко поставить задачу, но для решения этой задачи у него не хватало ни кругозора, ни дерзания. Склонный к перестраховке в самых мельчайших деталях, он, как правило, приглашал к себе в гости удачливых товарищей, рассказывал о своих замыслах и просил, чтобы ему диктовали компактное изложение им сказанного.

Наш герой был потрясен глубокой религиозностью этого человека. Более того, хотя униатская церковь была упразднена, и вместо папы римского они подчинялись московской церковной администрации, многие интеллигенты с западной Украины продолжали считать себя униатами. В свободное время куратор проповедовал ценности униатской церкви и высказывал некоторые гипотезы, которые сильно забавляли нашего друга. Например, он утверждал, что Бог и его ангелы не едят обыкновенную пищу, что они могут питаться непосредственно от энергии Солнца. Это говорилось совершенно серьезно, и он наслаждался производимым впечатлением.

Однако униат не знал одного обстоятельства: дело в том, что все советские разведчики без исключения должны были изучать церковную литературу в той мере, в какой эта литература участвует в формировании психологии западного человека. Более того, в разведке работают люди феноменальных способностей, и многие из них Библию и еврейскую Тору знали наизусть и по памяти могли цитировать эти произведения, только назови им часть и главу. И нашему герою нетрудно было установить, что глубоко верующий молодой ученый СО АН, мягко выражаясь, не все части Библии знает в равной степени. Более того, советским разведчикам почему-то нравилось перечитывать не саму Библию, а Апокрифы. Например, в Библию вошли четыре Евангелия: Марка, Луки, Иоанна и Матфея. Однако существовали и другие Евангелия, которые не вошли в канон, но имели некоторые преимущества. Например, в них содержится больше сведений о детстве и юности матери Иисуса Христа.

22 сентября 1962 г. наш герой, придя на работу, увидел своего куратора хмурый, туча тучей. Наш герой выразил удивление, что в такой радостный день его коллега такой хмурый и не поздравил своего товарища по работе с днем рождения Марии Иокимовны. Сначала тот не понял, кто такая эта особа

и почему им она близка? Потом сам же догадался, что сегодня день рождения Богородицы. Наш герой согласился, только утверждая, что у женщины, родившей Христа, отца звали Иокимом, а мать Анной. Униат был потрясен, и началась полемика по поводу религиозной литературы. Наш герой цитировал стихи из Псалтыря, связывая это с проблемой соавторства написанных статей.

В конечном счете, он отдал все шесть статей куратору, договорясь о том, что будет писать лишь о математических аспектах совместных разработок в специальный журнал или в институтские сборники, а все остальные описания конкретных измерительных схем будут выходить только под фамилией куратора. Несмотря на такие уступки, куратор назвал нашего героя аморальным человеком и неоднократно просил, чтобы все-таки все шесть статей были опубликованы в соавторстве. Однако наш герой скромно отнекивался под тем предлогом, что его роль состоит в предложении о математической «рубашке», а решение задач уже неявно существовало в прекрасно поставленных задачах куратора. Дело кончилось тем, что завлаб одобрил такой подход и выразил удовлетворение, что в его лаборатории есть такой добросовестный математик.

Куратор не просто говорил с нашим героем, он шипел. Он выразил сожаление, что не является завлабом, тогда бы он содрал шкуру с нашего героя за непокорность. Свои мысли куратор пояснил так: «Ты появился у энергетиков и де-факто создал методический кабинет. Теперь уже сотрудники могли бы пользоваться твоими знаниями и четко и емко излагать результаты своих исследований, которые давали бы возможность публиковаться в центральных журналах. Но когда ты захотел стать завлабом, ученый секретарь у энергетиков тебе этого не позволил. А когда он создал под собственным руководством этот методкабинет, ты не пошел в него работать. Поэтому все сотрудники института шли не туда советоваться

по своим проблемам, а к тебе. Спрашивается, кто из вас является негодяем, ученый секретарь энергетиков или ты?».

Не желая прямо отвечать на вопрос, наш герой привел цитату из 38 Псалма (стих 9): «От всех беззаконий моих избавь меня, не передавай меня на поругание безумному». Оказывается, из 150 псалмов Псалтыря именно 38-й наиболее хорошо знаком униату. И эта цитата была как оплеуха. Он тут же вскочил, принялся орать и бегать по комнате. Суть его ругательств заключалась в том, что все-таки наиболее порядочным человеком является ученый секретарь энергетиков. И чего ради он должен был назначить тебя начальником методкабинета, когда все это было его епархией? Далее куратор говорил, что представляет себя на месте ученого секретаря, и что в нашем институте он в таком же положении, как этот ученый секретарь-энергетик, и что проблема остается той же. На тебя управы нет, но будьте покойны, управа найдется.

Через несколько дней он снова вернулся к этому вопросу. По-хорошему можно было бы за три года совместно выдать на-гора около 40-45 статей, и после этого оба быстро выскочили бы в доктора наук. А там, получив по лаборатории, могли бы дальше зарабатывать деньги сообща.

Наш герой не мог объяснить своему товарищу, что ГРУ на нем как на подопытном кролике проводило эксперимент: «может ли талантливый советский юноша пробиться в науку без соавторства, и какова социальная цена, которую платит советское правительство за эту привычку к принудительному соавторству, получая таким образом липовых экспертов?». Пожалуй, это было главной проблемой, которой интересовалось ГРУ, т.к. липовые эксперты, особенно липовые академики, заметно снижали обороноспособность страны. Политическая разведка и ее подразделения, наоборот, боролись за соавторство, т.к. оно якобы являлось средством воспитания коллективного творчества.

Вот почему ГРУ было озабочено не столько получением информации из научной среды, хотя и это было важным обстоятельством, сколько борьбой против липовых экспертов в оборонной промышленности. Поэтому ГРУ всеми способами старалось внедрить в науку людей самостоятельных и гордых, тогда как партнер нашего друга утверждал со всей категоричностью: «Самостоятельным и гордым людям нечего делать в СО АН: они подрывают коллективизм».

Теперь вернемся к событиям, последовавшим после выступления нашего героя на митинге одобрения решений XXII-го съезда КПСС. Целый месяц его не трогали, как будто ничего не произошло. Лишь в ГПНТБ ему сказали, что все материалы конфискованы и находятся в изучении. На работе тоже молчали. Члены лаборатории избегали с ним обсуждать что-либо, «им все понятно, все ясно». Тогда наш герой принялся помогать представителям других лабораторий. Появились публикации, ему снова предлагали соавторство, но он отказывался.

Подошло время очередного отпуска. Он проводил все свое свободное время с молодой женой, уже заметно распухшей от беременности. Но вскоре его повели в обком. С ним разговаривал бывший дипломат, а теперь третий секретарь обкома. Поводом для приглашения было не выступление на митинге, а совсем другой вопрос. Наш герой еще тогда, когда пребывал в водном институте, познакомился со знаменитым человеком. Это был морской офицер, величайший знаток японского языка, работавший личным переводчиком маршала Василевского при разгроме квантунской армии. Он присутствовал лично при всех допросах высокопоставленных японских генералов, попавших в плен. Когда наш герой был уже в Академгородке, то ходил по всем инстанциям и требовал приглашения такого высококвалифицированного товарища для работы в СО АН.

Уже тогда ученые СССР чувствовали, что японская наука начинает наступать им на пятки, особенно в прикладных воп-

росах: японские университеты как могли вытягивали доллары из США, Канады и Европы на свои исследования на зависть многим университетам Европы и СССР, в том числе и новосибирскому университету. Московские товарищи ограничивались тем, что выписывали все значимые японские журналы и в Новосибирск тоже. Однако работники ГПНТБ по секрету сказали нашему герою, что эти журналы в Новосибирске никто не читает. Особенно были интересны японские публикации по финансовым вопросам, связанным с наукой. Но даже это мало кем воспринималось. Наш герой ходил по всем инстанциям и доказывал, что надо делать ставку на молодежь, и что стариков заставить изучать новый язык сомнительно.

Был конфликт с заведующей кафедрой иностранных языков – некой истеричной женщиной в годах, которая была против принятия преподавателей японского языка под тем предлогом, что у нее нет возможности контролировать качество работы своего подчиненного. Она прекрасно знала английский язык, но о японском не имела ни малейшего представления. Тогда наш герой погорячился и сказал, что и без нее обойдется. А она решила, что он будет требовать ее увольнения. Мало кто знал, что ее супруг является сотрудником политической разведки – одним из тех, кто ненавидел ГРУ и преследовал его представителей, так же как ГРУ по случаю основательно компрометировало представителей политической разведки.

Третий секретарь обкома начал с обвинения, что, не успев напечатать ни одной статьи за несколько лет работы в Академии, наш герой лезет во все дыры, везде распоряжается и, что самое страшное, ему все подчиняются. Успехи-де вскружили голову, и теперь заведующая кафедрой иностранных языков обратилась к главному психиатру Новосибирска с требованием освидетельствовать молодого человека, который терроризирует ее и требует принять на работу преподавателя японского

языка. Третий секретарь обкома сказал, что есть жалоба первого заместителя Лаврентьева академика Трофимюка, где утверждается важность знания японского языка, однако в Президиуме СО АН отказываются принимать от кого-либо рекомендации по кадровым вопросам и требуют принять меры против неугомонного молодого человека, который терроризирует Президиум СО АН.

Третий секретарь сказал, что если наш герой не покинет СО АН, то его посадят в психбольницу. Казалось бы, все ясно. Когда он собирался уходить из обкома, его остановили, и третий секретарь начал разговор о митинге одобрения. Было сказано, что Москва якобы распорядилась, что, прежде, чем наш герой будет уволен из сибирского отделения, он должен выступить в газете «За науку в Сибири» с опровержением собственных утверждений. Что мол, после этого ему дадут спокойно работать в любой организации вне СО АН. На это наш герой ответил: «Все материалы расчета конфискованы. Идет проверка, как и обещал академик Соболев. Как только найдут ошибку в расчетах, не будем извиняться, а заново пересчитаем уже по новой методике». В это время появился третий товарищ в военной форме (по-видимому, из ГРУ). Он сказал, что в Киеве, Саратове и Свердловске проверили все расчеты и ошибок не нашли. Но проблема заключается в том, что репутация главы партии и государства поставлена под сомнение, что уже является не уголовным, а политическим преступлением. Но если наказывать научную молодежь за политические преступления, то у научной молодежи отпадет интерес к политическим проблемам, они будут стараться защищать диссертации, а не помогать своими знаниями и инициативой партии и правительству в решении сложнейших задач.

Военного выпроводили. Наступило длительное молчание. Наконец, нашему герою было сказано: «Тебе не повезло. И чтобы успокоить всех, психбольницы не избежать. А если

врачи не найдут отклонений от нормы, то тебя ждет тюрьма и длительный разговор о том, что ты из себя представляешь». В коридоре его догнал военный и сказал: «Моли Бога, чтобы Хрущева как можно быстрее сняли с работы, иначе тебе спокойной жизни не видать».

В психиатрическую больницу наш герой попал через месяц. Направление к обследованию было не из районной поликлиники, как бывает всегда, а за подписью главного психиатра города. И здесь главной причиной считалось «унтерпришибеевское усердие по внедрению японского языка в сибирскую науку». Во время полугодового пребывания в психбольнице наш герой в основном лежал на кровати и читал художественную литературу. Однако как только его просили помочь санитарам отвести больных на процедуры, он бросал чтение и выполнял поручения с четкостью и аккуратностью. Для детей работников психиатрической больницы он решал школьные задачи, и все ответы оказывались верными, что вызывало удивление обслуживающего персонала.

Психбольницу посетила французская лечебная организация. Наш герой взялся переводить прямо с французского. Раньше французы сначала излагали свои мысли на английском, которые потом переводились на русский язык. На прощание один из французов дал понять, что знает, почему наш герой находится здесь, и намекнул на митинг одобрения. Наш герой заверил француза, что находится здесь по другому поводу, мол, президиуму не понравилось, что японскому языку в СО АН будет учить человек, связанный с военными, а он настаивал, не зная об этом. «Меня сюда привели за превышение полномочий». Были ли они настоящими французами или это просто трюк сверху? Наш герой не обратил на это внимания и даже не навел справки.

Примечательно было то, что, пока он лежал в больнице, у него родился первый сын. Через полгода наш герой вышел

оттуда с абсолютно чистыми документами: отклонений от нормы не нашли. За полгода накопилось много денег, как по линии ГРУ, так и по основному месту работы. Поэтому, переходя от стационарного наблюдения к диспансерному, еще два с половиной месяца вместе с сыном он гулял по паркам и магистралям в центре города, т.к. его супруга жила с матерью. В это время квартиру в Академгородке он обменял на городскую.

Из военного городка в Октябрьском районе какого-то офицера пригласили преподавать на военной кафедре в НГУ. Теперь, когда нашего героя надо было помещать в психбольницу, это был другой стационар, за городом. И, тем не менее, между посещениями психбольниц нашего героя прямо из дома забирали в обком партии и каждый раз объявляли ему, что расчеты подтвердились, но его самого никак не могут определить на работу. К рабочему классу такого человека пускать опасно. Академия наук от него устала. Остаются почтовые ящики, но там существует проблема с допусками. В общем, они не знают, что с ним делать.

Теперь появился новый фактор: после собеседований из обкома партии нашего героя увозили не в психбольницу, как раньше, а в некое заведение, до которого от обкома на машине без окон добирались за 1 ч 15 мин. Это было трехэтажное здание, все окна выходили во двор. Нашего героя обычно помещали в однокомнатный номер, внутри стояла железная кровать с хорошей пружинной сеткой, добротный письменный стол и полка примерно на 50 книг, а также два стула и маленький столик для чтения газет. На письменном столе лежала пачка отличной бумаги, около 100 листов, несколько отточенных карандашей. Можно было заказывать любую литературу и подшивки любых газет и журналов. Перед сном конфисковывались все исписанные бумаги. Постельные принадлежности меняли два раза в неделю, заставляя нашего героя перед этим принимать душ. Мыло и мочалка каждый раз выдава-

лись новые. Мыло обычно было зеленого цвета. Допросы проходили через день. На них наш герой шел с неохотой, т.к. каждый раз ему сообщали, что расчеты верны, но никто не знает, что с ним делать. Вроде наказать совестно, а не наказать значит нарушить дисциплину. Но было два случая, когда предметный разговор остался в памяти нашего героя в мельчайших подробностях.

Первый случай – это неожиданное появление массивной дамы из ГПНТБ, которая приехала из Ленинграда и поинтересовалась судьбой нашего героя. Она произнесла фразу на французском языке, смысл которой был ясен только им двоим. Она сказала, что такого-то числа родила сына, и что бывший муж вернулся к ней, узнав о ее беременности. Он же добился, чтобы ее перевели в Ленинград. Это означало, что у нашего героя есть сын в Ленинграде. По-видимому, отчим не был способен к воспроизведению потомства, и по этой причине еще раньше их семья распалась. Теперь оказывается, что все в порядке. Местное начальство, узнав, что эта женщина – бывшая подруга нашего героя, разрешило этой особе все четыре дня до возвращения домой провести с ним.

Сразу же после расставания с дамой его пригласили в роскошные апартаменты. Наш герой сидел напротив 35-летнего генерал-майора. Удивительно было то, что тот был в форме, и первые несколько фраз указали на то, что он не из ГРУ, а из политической разведки. Молодой возраст указывал на то, что он принадлежит к числу новых хрущевских выдвиженцев. Гораздо позже наш герой узнал, что этот молодой генерал – из ближайшего окружения генерал-лейтенанта Полякова, который являлся самым крупным предателем советской разведки. Ущерб от деятельности Полякова был больше, чем от деятельности Пеньковского. Поляков десятилетиями служил американской разведке и выдал около 150 кадровых разведчиков – тех, кто служил СССР не из-за денег, а из чистого

энтузиазма и патриотизма. Потери оказались невосполнимыми. ГРУ, несмотря на свое интеллектуальное могущество, всегда помнило, что все его руководители: Аралов, Стригга, Никонов, Берзин, Уншлихт, Урицкий, Ежов, Проскуров, все до генерал-лейтенанта Голикова, были ликвидированы бесцеремонно. Они, по-видимому, не всегда шли на конфликт с политической разведкой, даже если теряли своих друзей и товарищей. Именно от политического бессилия ГРУ не нашло ничего другого, кроме как перенести большую часть своей деятельности из зарубежья внутрь страны и выполнять работу за бездарных хрущевских выдвигенцев. Все, кто благодаря хрущевской рекомендации вошел в ГРУ, приносили только вред. Но об этом станет известно позже.

Тогда же молодой генерал-майор, будучи старше нашего героя на восемь лет, говорил с ним тоном хозяина, но вкрадчиво и нежно. Разговор шел так, как будто они сотрудники одного и того же учреждения, т.е. на равных. Он ничего не рекомендовал, а только спрашивал. Например: «Молодой человек, я много читал секретной литературы, но нигде не встречал таких терминов, которые употребляете вы». Ответ был быстрым и невозмутимым: «Товарищ генерал, не все умно, что секретно. По какому именно термину вы хотели бы получить разъяснение?». Он спросил: «Что означает словосочетание «инфортабельность партийных документов»?». Наш герой понимал, что его хотят разговорить, чтобы потом выбрать, к чему придраться, но решил поддержать игру (дальше Сибири не пошлют, больше психбольницы не опозорят). Он ответил генералу: «На эту тему можно высказаться популярно или сделать целый академический доклад». Генерал сказал: «Вы делаете оба варианта: популярный для меня и академический для тех людей, которых мы подберем». Ответ: «На популярное изложение уйдет не более двадцати минут». И он начал объяснять.

При жизни Шекспира его «Гамлет» прошел незаметно, зато «Двенадцатая ночь» с использованием двойников и веселых сцен на любовные темы принесли автору целое состояние. Эти пьесы и теперь часто используются для молодежных передач. Но все зависит от того, кто пишет о Шекспире. Если это не просто литературовед, а философ, то он обязательно начнет обзор Шекспира не с «Двенадцатой ночи», а с «Гамлета», ибо в «Гамлете» затронута так называемая «сиккулярная» проблема, т.е. такая проблема, которая оказывается актуальной всегда, при любой общественной системе. Смысл этой проблемы состоит в том, что способный человек или должен быть хозяином положения, или же погибнуть, если все функциональные места в общественных позициях уже заняты.

Идеологи буржуазии всегда осуждали Гамлета: мол, зачем ему был нужен трон отца? Он мог бы стать финансовым тузом и всех королей и принцев сделать своими лакеями... Но прошли годы, и появился замечательный роман Бальзака «Шагреновая кожа», где четко доказывается, что без минимального капитала способный человек, скорее всего, должен погибнуть. Ему не дадут суетиться именно потому, что он умный, следовательно, опасный. Этим было доказано, что буржуазные порядки не решают проблем умного человека без денег.

Во время господства капиталистического строя параллельно ему появилась и функционирует социалистическая система. В этой системе работал маршал Тухачевский, чей авторитет среди военных был сопоставим с авторитетом самого хозяина — И. Сталина. Но каким бы ни был умным Тухачевский, он не понимал, зачем нужен советскому рабочему классу Сталин. И если бы он знал это, то, перед тем как поднять мятеж, создал бы альтернативную систему, выполняющую те же функции, что и аппарат Сталина. Тогда Сталин и его друзья оказались бы ненужными или накладными для народа, и мятеж имел бы шансы на успех. Таким образом, социальный

закон таков: недостаточно умный человек должен погибнуть, тогда как дуракам не о чем беспокоиться. Изменялись общественные системы, с ними менялась нравственность, ценности, но остался неизменным социальный инвариант обреченности недостаточно умного человека. Образ Гамлета подкупает искренней рассудительностью. Но Гамлет не оценил шансов на успех политических хитрецов и интриганов. Он даже не думал, что мастерство в интриганстве может заменить ум, талант и политические перспективы.

Теперь вернемся к партийным документам. Первая и вторая программы КПСС были не только партийными документами, но и памятниками культуры. Напротив, третья программа, составленная ближайшим окружением Хрущева, действительно является партийным документом, но не памятником культуры, т.к. составлена из одних газетных фраз. Зачем член партии будет открывать эту программу, если те же самые фразы постоянно циркулируют в газете «Правда», откуда перепечатывают передовицы другие газеты. Следовательно, Хрущев и его эксперты, на которых он опирается, де-факто лишили партию возможности иметь свою программу, возложив эти функции на передовицы газеты «Правда». Причина такой неудачи заключается в том, что при составлении программы партии сигнатура имела не сикулярный характер, а лишь временный вульгарный. Большевики вообще использовали лишь 30% выразительных форм русского языка, а остальная часть сохранилась в исторических документах вроде четырехтомного «Толкового словаря» В. Даля.

Теперь вернемся к социальной статистике. Слесарь, инженер, академик-технар и академик-филолог говорят на одном и том же русском языке, но одни и те же русские слова они употребляют с различной частотой. Более того, у каждой социальной прослойки есть свои любимые русские слова. А если учесть, что для рабочего человека, занятого у станка, для

производственной деятельности вполне достаточно 30%, то сразу становится ясно, откуда пошло такое обеднение выразительных форм русского языка и что социальную справедливость купили ценой оскудения интеллектуальных возможностей государственных деятелей.

Тогда генерал спросил: «А где же выход?». Наш герой ответил: «Задавайте этот вопрос во время или после моего академического доклада перед людьми, которых вы подберете».

Нужных людей подобрали в течение двух недель. Доклад происходил в небольшом зале, где присутствовали примерно двадцать пять человек. Все были в военной форме; в основном капитаны и майоры. Старший лейтенант стенографировал. Наш герой предупредил, что доклад будет иметь двойной характер: с одной стороны, много сложных математических формул, но с другой стороны, присутствующие могут не обращать на них никакого внимания. Запомните лишь суть.

Человек воспринимает поступающую извне информацию, пропуская ее через три фильтра. Первый – это синтактика, т.е. не только язык, который мы понимаем, но и определенный порядок слов во фразе. Например, можно взять какое-то предложение и, не выкидывая ни одного слова, так изменить состояние фразы, что ничего не будет понятно. Второй фильтр называется семантикой, здесь отбираются из того, что уже понято, те сведения, которые могли бы в данных обстоятельствах кому-нибудь из нас принести пользу. И третий фильтр – это прагматика, здесь игнорируются интересы всего общества, всех друзей и знакомых, и учитываются интересы лишь того, кто воспринимает информацию извне. Т.е. интересы общества только тогда значимы, когда информация, воспринимаемая человеком, может быть полезной и для него.

Из всего того, что человек хочет потом передать другим, какие-то сведения он разделяет на две части. Адресность информации рассчитывается на внимание определенной про-

слойки общества. Вторая часть называется провокациями. В это время один из слушателей поднялся и сказал, что он священник, и что в потоках сакральной информации провокаций не бывает. Тут наш герой сразу процитировал Библию, где говорилось: «Возбудите храбрых, пусть выступят – поднимутся все...». Таким образом, провокация является неотъемлемой частью любого высказывания, даже библейского... Далее речь шла об информационной ценности сообщения, которое определяется экономией тех ресурсов, которые удалось сэкономить или дополнительно получить после использования полученной информации.

Тут же поступил вопрос с места (слушатели не церемонились): «А как же количество информации по Шенону?». Ответ: «Для Шенона два стула и два академика несут одну и ту же информацию, т.е. Шенон учитывает форму информации, но не содержание – качество информации». Далее речь шла о самонастраивающихся системах, об организации научного творчества как о самонастраивающейся системе. В ней решающим звеном являются те, кто руководит и чьими интересами определяются контрольные точки (репера) самонастраивающейся системы.

Например, информационный бандитизм функционирует, имея собственную самонастраивающуюся систему. Для наших вождей пишут доклады специально подобранные эксперты. Хорошо это или плохо? Это хорошо потому, что наши неграмотные руководители не несут всякую чушь. Но это и плохо потому, что имена помощников не публикуются. И получается то, что на юридическом языке называется ограблением чужих авторских прав. Здесь вкратце повторяется популярная часть сущности термина «инфортабельности партийных документов».

От информационного бандитизма прямая дорога к объяснению, почему третья программа КПСС не является памят-

ником культуры. Прежде всего, упущено, что реальный вес общественно-политической системы состоит в увеличении производительности труда. В соревновании ГДР и ФРГ ГДР проигрывает, поэтому в ФРГ уровень жизни догнал и перегнал уровень жизни в ГДР. Южная Корея скоро догонит и перегонит по уровню жизни Северную Корею. В Японии ставший бесхозным ВПК начинает выпускать гражданские товары, превосходящие по качеству товары всех стран мира, включая СССР. Единственный выход для СССР – заставить науку зарабатывать деньги самой и быть минимально зависимой от государства. Но для чего такая независимость? Зарабатывать большие деньги научные руководители могут через те кадры, которые молоды, энергичны и общительны. А такие люди пока не имеют научных регалий. Но если им дать дорогу, то сразу резко сузится сфера информационного бандитизма. Люди с достатком не пойдут на соавторство, и тем самым иссякнут дармовые потоки информации для фальшивых экспертов.

В заключение наш герой сказал о том, что информационный бандитизм сводит на нет все преимущества, завоеванные Великой Октябрьской социалистической революцией. Здесь его прервали, сказав, что доклад был интересным, но у самого докладчика навязчивая идея о безграмотности высшего партийного руководства. Поэтому мы прерываем доклад и возвращаем нашего товарища в психбольницу. Были и сочувственные возгласы: «Поторопился парень делать выводы, ведь мы все – партийные выдвиженцы и хотим разобраться; и мы разберемся».

В таком режиме пришлось прожить два года. В редкие двух-трехнедельные перерывы наш герой продолжал появляться в Академгородке, присутствовать на различных семинарах, где ему давали слово, и все внимательно следили за сложными выкладками математических формул на доске. Многие в Ака-

демгородке даже не подозревали, что над нашим героем «трудилась» психиатры и тюремщики. Многие по-прежнему подходили к нему и советовались по математическим методам статистики.

Тогда наш герой познакомился с экономистами-новаторами, которые потом притащат его в Академгородок жить. О нем говорили как о научном журналисте. Эта профессия только возникала. Оказывается, в газете «За науку в Сибири» можно было публиковать полунучные статьи, которые играли роль научных статей, т.к. у читателей возникал интерес. В науке самое главное – знать, где копать. А копать многие умели, и они восприняли нашего героя как своего парня. Достаточно пригласить его в гости и между делом задать пару вопросов. Плохо с их точки зрения было то, что его нельзя было ловить на спиртное... Таким образом, хотя де-юре он был отлучен от Академии, де-факто являлся неотъемлемой чертой внутренней жизни Академгородка, что вызывало у верхушки ГРУ моральное удовлетворение. Во всяком случае, об информационном бандитизме и его изощренных методах знали в Москве уже в середине 60-х гг., но не могли его предотвратить, т.к. вожди по-прежнему заставляли экспертов писать доклады, а среднее звено, в том числе и в науке, брало с них пример.

Пришло время ухода Хрущева... В Академгородке был по-прежнему популярен анекдот: «Можно ли слона завернуть в газету? – Ответ: да, если завернуть в речь Хрущева». После «неожиданного» устранения Хрущева нашего героя оставили в покое. Последовал период полуторагодичной работы на заводе, в почтовом ящике N 83. Это был привезенный во время войны из Воронежа радиозавод, который снабжал армию высококачественными приборами, за что получил высшую государственную награду. После войны завод выпускал и гражданскую продукцию, радиоприемники и телевизоры... В инструментальном конструкторском бюро наш герой занимал-

ся бракованными деталями и выяснил, что брак можно снизить с 17 до 6%. Дальше снизить не удавалось, т.к. причина была не в конструкторских ошибках, а в отсталой технологии. Но все-таки снижение брака на 11% вызвало сенсацию. Руководитель КБ говорил нашему герою, что когда кто-то поступает к ним на работу, то минимум год от человека нет никакого толка, а тут пришел и сразу начал приносить пользу...

В то время в Академгородке было два коллектива, занимавшихся экономикой. Первый назывался Институтом экономики и организации промышленного производства. Вторым, равным по численности первому, возглавлялся молодым кандидатом наук Аганбедяном. Его лаборатория состояла из 25 штатных сотрудников, но, заключая хоздоговорные работы, он довел количество работающих до 300.

Директор института член-корреспондент Пруденский (во время войны главный экономист Урала) терпеть не мог академика Канторовича с его линейным программированием, но за Канторовичем, сотрудником Института математики СО АН, стоял директор института академик Соболев. Сам Лаврентьев понимал, что оба коллектива в каком-то смысле полезны, поэтому хотел первый коллектив перевести в Иркутск, а внутри Академгородка хватит одного Аганбедяна. Ситуация обострилась после того, как Аганбедяну общими усилиями сделали докторскую диссертацию, и не прошло и трех месяцев, как он уже стал член-корреспондентом. Теперь по титулам они оба были равны. И у Пруденского не было никаких сомнений, что он уже не главный экономист всего Сибирского отделения.

Нашего героя пригласили в лабораторию Аганбедяна и попросили стать руководителем дипломных проектов двух выпускников НГУ; дипломы им надлежало защищать в Москве, в Главном статистическом управлении. Эти ребята пользовались теми примерами, который наш герой вспоминал, когда

участвовал в обработке данных по неэффективности хрущевщины. Ребята оказались способными, пошли дальше, и часть их дипломной работы была закрытой. После защиты дипломных проектов им обоим дали квартиры в Москве и приняли на работу в Центрстатком. Квартира в Москве – слишком большой козырь, чтобы они возвратились в Академгородок, где им также были подготовлены квартиры, правда, однокомнатные, а не двухкомнатные, как в Москве.

Для агенбегяновцев это было большим поражением, т.к. при помощи этих дипломников они собирались развернуть кое-какие исследования. Тогда Агенбегян, находясь на волне успеха, взял на себя ответственность не только принять на работу нашего героя, но и дать рекомендацию для жизни в Академгородке. Против этого был райком комсомола и райком партии. Но положение было удачно тем, что секретарем райкома был один из учеников Агенбегяна. Как он там оказался? Оказывается, агенбегяновский коллектив численностью в 300 человек иногда месяцами не получал зарплату, хотя в местном отделении Госбанка свободные деньги были. Возмущенные математики, физики и химики выразили недоверие секретарю райкома, избрали выдвиженца Агенбегяна, а тот под партийную ответственность приказал выплатить эти деньги людям, которые их честно заработали. Впоследствии эти методы были использованы при организации «Факела».

Чтобы успокоить недовольных, нашего героя наказали тем, что приняли не в АН, а на кафедру экономики НГУ. Агенбегян попросил ректора университета академика С. Беляева ходатайствовать перед Президиумом СО АН о прописке молодого человека в Академгородке, и сам же от имени Лаврентьева завизировал это ходатайство, сказав: «Пусть меня за это накажут». Через три дня наш герой был прописан в Академгородке, более того, университет выделил грузовик для перевозки вещей.

После заселения нашего героя в Академгородке ГРУ второй раз в его жизни отблагодарило человека, который помог внедрить их сотрудника в Академгородок... Пруденскому был «организован» инфаркт, и он уехал в Москву, а директором института назначили Агенбегяна... Десятилетия спустя наш герой узнал, что и ребятам Пруденского также было сделано предложение из ГРУ снова принять их товарища в Академгородок... А те посчитали, что этого делать не следует...

Начался новый этап деятельности нашего героя в Академгородке.